

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники
Специальный выпуск V

Стояние на реке Угре 1480-2015

ЧАСТЬ I

Санкт-Петербург
2015

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

В.В. Пенской

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск. V. Стояние на реке Угре 1480-2015 — Ч. I. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_5>

© www.milhist.info

© Несин М.А.

ББК 63.3

УДК 94(47).035=161.1(045)"653"(47)

Несин М.А. К вопросу о причине отступления татарского войска после стояния на Угре

В данной работе, на основе изучения древнерусских и иностранных источников, автор рассматривает причины отступления ордынских войск от Угры в ноябре 1480 года. Привлечение данных Разрядных книг, которые прежде не использовались историками при изучении данной кампании в совокупности со свидетельствами иных письменных источников, позволило дать на этот вопрос вполне определенный ответ.

Ключевые слова: XV век, сражения, Иван III, стояние на Угре, артиллерия, Великое княжество Московское, Ахмат, Золотая Орда, Татарское иго.

Автор: Несин Михаил Александрович. В 2009 г. закончил исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета по специальности историк. В настоящее время – аспирант Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Научные интересы: история средневековой России до Московского периода, тактика русских войск, социальная история, историческая топография. petergof-history@yandex.ru

Литература, использованная в статье:

Горский А.А. Москва и Орда. — М., 2003.

Назаров В.Д. Свержение ордынского ига на Руси. — М., 1983.

Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. — Л., 1989.

Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. — М., 2009.

Несин М.А. Сражение под Русой 3 февраля 1456 г.: место боя и тактика московских войск [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. V. — С. 101-103. <http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1> (18.06.2014)

Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV-XV вв. — М., 1960.

Иван III на Угре. Сборник в честь С.Ф. Платонова. — СПб., 1911.

Базилевич К.В. Внешняя политика Московского государства. Вторая половина XV века. — М., 1952.

Каргалов В.В. Конец ордынского Ига. — М., 1980.

Карамзин Н.М. История государства Российского в 3-х книгах. — СПб., 2000. — Книга 2. — Т. VI.

Алексеев Ю. Г. Под знаменами Москвы. — М., 1992.

Щербатов М.М. История Российская. — СПб., 1783. — Т. 4. — Ч. 2.

Базилевич К. В. Внешняя политика русского централизованного государства. — М., 1952.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — М., 1960. — Книга 3.

Скрынников Р.Г. Иван III. — М., 2006.

Базилевич К.В. Ярлык Ахмед-хана Ивану III // Вестник МГУ. — М., 1948. — Вып № 1. — С. 29-46.

Леонид, архимандрит. Два акта XV века с объяснительными к оным примечаниями // Известия Русского археологического общества. — СПб., 1884. — Т. 10. — Вып. 3-6. — Стб. 270.

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. — Саранск, 1960.

Григорьев А.П. Время написания "Ярлыка" Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. — Л., 1987. — Вып. 10. — С. 28-29.

Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodska i wszystkiej Rusi. — Warszawa, 1846. — Vol.2.

Рогов А.И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. (Стрыйковский и его Хроника). — М., 1966

Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XIV-XV вв. — М., 1961.

Kuczyński S. Ziemie czernihowsko-siewirskie pod rządami Litwy. — Warszawa., 1936.

Konieczny F Sprawy z Mengh-Girejem // Ateneum Wilienskie. —Wilno, 1927. — Roczn. IV. — P. 320.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2015/10/23/nesin_5

Ссылка для печатных изданий:

Несин М.А. К вопросу о причине отступления татарского войска после стояния на Угре [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч.1. — С. 110-132 <http://www.milhist.info/2015/10/23/nesin_5> (23.10.2015)

Nesin M.A. On question of the Tartar army's retreat after The Great Standoff on the Ugra River

The author uses numerous Russian and foreign primary sources to reveal a new information on the Tartar army's retreat after the Great Standoff on the Ugra River in November 1480. In particular, the author examines a set of so called Razryadnie knigi – a corpus of official documents of the Russian Tsardom – which, along with additional sources, allowed him to analyze and reevaluate this question anew.

Keywords: XV century; battles; the Great Standoff on the Ugra River; artillery; the Great Duchy of Muscovy; Ahmet, the Golden Horde; Tartar conquest

Author:

Mikhail A. Nesin studied at the St.-Petersburg State University which he graduated in 2009. At the present moment Mr. Nesin is doing his master's degree at the Novgorod State University; he specializes on the “dark history” of the medieval Russia, social and military history and historical topography. petergof-history@yandex.ru

References:

- Gorskij A.A. Moskva i Orda [Moscow and the Horde]. — M., 2003.
- Nazarov V.D. Sverzhenie ordynskogo iga na Rusi [The overthrow of the Tartar yoke in Russia]. — M., 1983.
- Alekseev Ju.G. Osvobozhdenie Rusi ot ordynskogo iga [The liberation of Russia from the Tartar yoke]. — L., 1989.
- Alekseev Ju.G. Pohody russkih vojsk pri Ivane III [The campaigns of the Russian army under Ivan III]. — M., 2009.
- Nesin M.A. Srazhenie pod Rusoj 3 fevralja 1456 g.: mesto boja i taktika moskovskih vojsk [The battle at Russa on 3 February 1456: the battlefield and the tactics of Moscow's troops] [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2014. — Vol. V. — P. 101-103. <http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1> (18.06.2014)
- Cherepnin L.V. Obrazovanie Russkogo centralizovannogo gosudarstva v XIV-XV vv. [The formation of the Russian centralized state in XIV-XV centuries] — M., 1960.
- Ivan III na Ugre [Ivan III on the Ugra River]. Sbornik v chest' S.F. Platonova. — SPb., 1911.
- Bazilevich K.V. Vneshnjaja politika Moskovskogo gosudarstva. Vtoraja polovina XV veka [Foreign policy of the Moscow state. The second half of the XV century]. — M., 1952.
- Kargalov V.V. Konec ordynskogo Iga [The end the Horde's reign]. — M., 1980.
- Karamzin N.M. Istorija gosudarstva Rossijskogo v 3-h knigah [History of the Russian state in 3 volumes]. — SPb., 2000. — Kniga 2. — T.VI.
- Alekseev Ju. G. Pod znamenami Moskvyy [Under banners of Moscow]. — M., 1992.
- Shherbatov M.M. Istorija Rossijskaja [The History of Russia]. — SPb., 1783. — T. 4. — Ch. 2.
- Bazilevich K. V. Vneshnjaja politika russkogo centralizovannogo gosudarstva [Foreign policy of the Russian centralized state]. — M., 1952.
- Solov'ev S.M. Istorija Rossii s drevnejshih vremen [History of Russia from ancient times]. — M., 1960. — Kniga 3.
- Skrynnikov R.G. Ivan III [Ivan III]. — M., 2006.
- Bazilevich K.V. Jarlyk Ahmed-hana Ivanu III [The Jarlyk of Ahmed Khan to Ivan III] // Vestnik

MGU. — M., 1948. — Vyp № 1. — S. 29-46.

Safargaliev M. G. Raspad Zolotoj Ordy [The Collapse Of The Golden Horde]. — Saransk, 1960.

Grigor'ev A.P. Vremja napisanija "Jarlyka" Ahmata [Time of writing of " Jarlyk " Akhmad] // Istoriografija i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki. — L., 1987. — Vol. 10. — P. 28-29.

Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodska i wszyskiej Rusi. — Warszawa, 1846. — Vol.2.

Rogov A.I. Russko-pol'skie kul'turnye svjazi v jepohu Vozrozhdenija. (Strykovskij i ego Hronika) [Russian-Polish cultural relations in the Renaissance]. — M., 1966

Tihomirov M.N. Srednevekovaja Moskva v XIV-XV vv. [Medieval Moscow in the XIV-XV centuries.] — M., 1961.

Kuczyński S. Ziemie czernihowsko-siewirskie pod rządami Litwy. — Warszawa., 1936.

Koneczny F Sprawy z Mengh-Girejem // Ateneum Wilienskie. — Wilno, 1927. — Rocz. IV. — P. 320.

Internet link:

http://www.milhist.info/2015/10/23/nesin_5

Reference:

Nesin M.A. On question of the Tartar army's retreat after The Great Standoff on the Ugra River [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2015. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol.I. — P. 110-132 <http://www.milhist.info/2015/10/23/nesin_5> (23.10.2015)

М. А. Несин

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНЕ
ОТСТУПЛЕНИЯ
ТАТАРСКОГО
ВОЙСКА
ПОСЛЕ СТОЯНИЯ НА УГРЕ

Вопрос о том, когда и при каких обстоятельствах Москва перестала платить Орде регулярную дань (подарки — «*поминки*» от случая к случаю — не в счет), в отечественной историографии по-прежнему подлежит дискуссии. Одна из распространенных точек зрения и, на наш взгляд, наиболее обоснованная, сторонником которой является, к примеру, отечественный исследователь А. А. Горский, заключается в том, что это произошло в начале 1470-х гг. При этом, как отмечает историк, еще в 1460-е гг., «почти сразу же» после того, как на московское великое княжение сел Иван III, изменился пункт о взаимоотношениях с Ордой в договорах нового великого князя с удельными князьями московского дома. Его отец, за единичным исключением, вынужден был писать, что, «*коли Бог переменит в Орде*», и ему не придется платить очередной «*выход*», то тогда он не станет ничего взыскивать и с удельного князя. Но Иван III решительно переменил тон и неизменно писал, как лишь единожды отважился сформулировать его покойный родитель, что если он сам не пошлет в Орду дани, то и «*у тебе не взяти*». Таким образом, уже в 1460-х гг. он официально давал понять, что сам решает, заплатит он в Орду дань или не сочтет нужным¹.

С начала же 1470-х гг. великий московский князь и вовсе перестал регулярно платить дань золотоордынскому хану. Как показал А. А. Горский, это произошло не позднее 1471 г., хотя сам исследователь

высказал гипотезу, что окончательно Иван III решил перестать платить дань лишь после неудачного ордынского похода на Русь летом 1472 г.² Вероятнее всего, именно в связи с этим польский хронист Длугош, не доживший до Стояния на Угре, под 1479 г. сделал знаменитую запись об освобождении Русских земель от татарского ига. Однако вопрос о падении двух с половиной векового ордынского ига решился только в 1480 г. после знаменитого осеннего стояния на р. Угре. В тот год хан Ахмат, воспользовавшись усобицей между Иваном III и его братьями, Борисом Волоцким и Андреем Большим, выступил в поход к русским рубежам, чтобы восстановить старинную ордынскую власть над Русью и принудить Ивана III во всем подчиняться ханской воле и платить дань.

Хан собрал многочисленную рать — с ним шло 6 ордынских «царевичей» со своими отрядами — больше, чем в иных ордынских военных походах за все XV столетие³. Очевидно, хан учел опыт своего прошлого похода на Русь летом 1472 г. Тогда татары взяли Алексин, но уже на другой день отступили, не решившись вступить в открытый бой с подоспевшими свежими русскими силами. И теперь Ахмат собрал небывалую рать, чтобы избежать прошлых ошибок. Кроме того, разбив лагерь на Угре, хан ожидал помощи от великого князя литовского и короля польского Казимира IV, обещавшего прислать свое войско.

Вместе с Иваном III в походе участвовал его сын Иван Молодой. Из московских воевод упоминается князь Даниил Холмский. Кроме самих москвичей в войске Ивана III был отряд его младшего брата, удельного князя Вологды и Тарусы Андрея Меньшого, состоящий из торушан и, возможно, вологжан. Есть сведения и об участии в походе тверичей. Русское и татарское войска несколько недель стояли друг напротив друга на противоположных берегах р. Угры. В первой половине октября, в течение нескольких дней, либо с 6⁴, либо с 8 по 12 октября⁵, татарские отряды безуспешно пытались форсировать реку. Разночтения в летописных датировках связывают с многочисленностью татарского войска, передние части которого начали наступать 6 октября, а другие подтянулись к берегу через несколько дней⁶. Но, вероятно, 6 числа состоялась первая, разовая стычка на переправе, а четыре дня с 8 по 12 октября ордынцы постоянно предпринимали попытки перейти реку.

Татарин XV в.

Рис. Шерстнева Е.А., 2015 г.

Русские войска оказали татарам серьезное сопротивление, и врагу не удалось переправиться. При этом русские стреляли в татар из луков и пищалей, а татары, как видно, не имели огнестрельного оружия и, согласно Софийско-Львовскому своду, отвечали лишь стрелами⁷. Это и могло стать одной из главных причин того, что за четыре дня им не удалось форсировать Угру.

Отразив первый натиск татар, Иван III, посоветовавшись с младшим братом, Андреем Меньшим, попытался заключить с ханом Ахматом перемирие. По Вологодско-Пермской летописи, он передал ему через его мурзу Темира дары, *«тешь»*, и просил его увести войска. Тем самым великий князь поставил вопрос о независимости Руси от ордынского ига: разовые дары не покрывали многолетнюю неуплату дани, и о своих дальнейших обязательствах по отношению к ордынским властям князь ничего не упоминал. Однако хан не взял *«тешь»*, заявив, что пришел наказать Ивана III за непокорность и восьмилетнюю неуплату дани⁸. При этом, как указано в Софийско-Львовском своде, он намекнул, что, как только наступят холода и замерзнут реки, у него будет немало дорог на Русь⁹.

По Вологодско-Пермской летописи, великий князь второй раз после этого ездил в Москву помолиться и посоветоваться с матерью, боярами и архиереями, а потом вернулся на Угру¹⁰. На наш взгляд, здесь по ошибке дважды повторяется известие о ранней, сентябрьской поездке Ивана III в Москву из Коломны. Ведь в пришедшем вскоре после этих событий послании на Угру ростовского архиепископа Вассиана, сохранившемся, в том числе, и в упомянутом источнике, говорится лишь о первой поездке князя, состоявшейся до неудавшегося октябрьского перемирия с ханом. Известие об этих переговорах до Вассиана и митрополита Геронтия *«дошло»* позднее, как и сведения, что некоторые нечестивые, по их мнению, люди подговаривают князя не вступать в бой, а отвести войска с Угры¹¹. Второй раз Иван III в Москве не был, а сведения о событиях на Угре *«дошли»* до архиереев иным путем.

Хан, отказавшись мириться, послал тем временем своих *«воевод»* незаметно форсировать Угру в стороне от основных сил противника, против Опакова Городища, с целью пленить великого князя. Однако русские войска, охранявшие берег на протяжении 60 верст, заметили входивших в воду ордынских конников и снова отбили их натиск, не дав переправиться через реку.

Когда же 26 октября 1480 г., на день Св. Дмитрия, наступили морозы, великий князь, находившийся в своей ставке в городке Кременце, по предложению некоторых своих советников стянул все войска от Угры к себе, опасаясь «перехождения» татар по льду реки. Заметим, что, согласно свидетельствам Типографской летописи, князь не думал сдаваться, а скапливал в Кременецкой крепости силы, чтобы при необходимости выдержать нападение «противных»¹². Кременец был примерно в 40–60 км от места стояния на Угре — на р. Луже. По мерзлой земле конное служилое войско покрыло бы это расстояние в пределах дня (отметим, что в феврале 1456 г. конная рать новгородцев во главе с князем Гребенкой-Шуйским с обедни до вечера преодолела не меньшее расстояние от Новгорода через Липно по льду озера Ильмень до Взвада, а в утренние часы — более 20 км от Взвада до Русы)¹³.

Московский великокняжеский летописец и авторы Софийско-Львовской и Типографской летописей, явно опираясь на некий общий источник, почти дословно обвиняют княжеских советников в корысти и предательстве, называя их «сребролюбцами», «богатыми и брюхатыми» татарскими «норовниками»¹⁴. При этом в Московском летописном своде (далее — МЛС) назван один из них — окольный Г. А. Мамон, чьими устами, по словам книжника, якобы говорил сам дьявол¹⁵ (Софийско-Львовская летопись содержит независимый рассказ о том, как боярин Ощера и Мамон еще до того, как Иван III безуспешно пытался замирился с Ахматом, настойчиво убеждали его отступить, ссылаясь на преследовавшие его предков тяготы в столкновениях с ордынскими ратями)¹⁶. По мнению иноков-летописцев, совпадавшему с позицией некоторых архиереев, например, великокняжеского духовника ростовского архиепископа Вассиана и московского митрополита Геронтия, эти люди мешали князю исполнять его христианский долг — стоять против безбожных татар во что бы то ни стало¹⁷. Как мы уже отмечали ранее, в своем пространном послании на Угру Вассиан предостерегал Ивана III от подобных советов, обвиняя таких советников в нечестивости.

Эту церковную риторику впоследствии подхватили и многие видные историки, в том числе и советские. Наиболее развернуто эту точку зрения выразил Л. В. Черепнин. По его мнению, в подобной клерикальной форме отразился подлинный «патриотизм» московского «черного

люда», хотевшего решительного свержения ордынского ига. Его позиция будто бы и заставила считаться с собой духовных феодалов¹⁸. Но, во-первых, выступление городских низов (больше других страдавших от тягот войны — М. Н.) вовсе не являлось назревающим антифеодальным мятежом, а требования рядовых москвичей в целом отвечали внешнеполитическому курсу великого князя¹⁹. Во-вторых, в историографии высказывалась точка зрения²⁰, что отвод русских войск с Угры в Кременец был вполне целесообразен и продиктован реальной необходимостью. С этим следует согласиться. Дело в том, что русские войска были растянуты вдоль реки тонкой линией на целых 60 верст. Поскольку татары недавно уже пытались обойти их расположение и пересечь Угру у Опакова городка, такая диспозиция русских военных сил для осени была оправданна, так как это позволяло контролировать реку на значительном протяжении и пресекать попытки недругов форсировать ее. Теперь же, когда река стала, пересечь ее на конях по ровному льду стало значительно легче, и у московских воевод и князя возникли резонные опасения, что теперь ордынцев уже будет не останавливать. В таком случае татары, прорвав неплотные ряды московского войска, могли бы разбить великокняжеские полки на части и открыть себе путь на Москву. Поэтому князь сперва отвел войска в укрепленный Кременец, чтобы при случае из-за его стен отразить наступление «противных» татар, а затем — в Боровск, чтобы на тамошних «полях» при необходимости сразиться с татарами в открытом конном бою. Таким образом, великий князь вовсе не поддался уговорам предателей, а внял благоразумному совету своих советников: он не отказывался от продолжения войны и готов был вступить с неприятелем в бой, но в обстоятельствах более выгодных, не подводя под верную гибель всю рать и не открывая недругам дорогу на столицу.

И ханские войска в эти дни отступили, показав неспособность реально противостоять русскому войску в решительном бою, что в свою очередь свидетельствовало о том, что татары уже не могут прочно держать Русь под контролем, вымогая, как встарь, дань и утверждая князей. Это взаимное отступление обеих вражеских армий как важного события, решившего весь исход кампании, наиболее полно и красочно описано в Московском великокняжеском своде конце XV в. Летописец рисует отступление русских и татар синхронным, обе рати в его

изображении стали расходиться одновременно. Согласно данному источнику, еще когда на реке начал вставать лед, оба войска стали друг друга опасаться, а когда русские воины по приказу Ивана III отходили к нему в Кременец, им чудилось, что татары идут следом. Но и татары боялись, что русские ушли ненадолго, с тем, чтобы потом вероломно напасть. Отход татар летописец объясняет чудом Пресвятой Богородицы: не иначе, как по воле свыше, на Ахмата внезапно напал страх и он приказал войскам удалиться²¹.

Сходный и почти дословный текст, явно восходящий к тому же источнику, что и великокняжеский МЛС²², есть и в Типографской, а также в Софийско-Львовской летописи, хотя в целом, обе летописи содержат уникальные, самостоятельные повествования о Стоянии на Угре. В составе Софийско-Львовской летописи сохранился текст митрополичьего летописания со многими уникальными подробностями и последовательным возвеличиванием архиепископа Вассиана Ростовского, а сообщение Типографской летописи содержит текст ростовского летописания. Однако описание отхода татар и критика предложений советников Ивана III переданы почти дословно с МЛС и явно основаны на одних и тех же данных (не исключено, кстати, что они восходят к ростовскому летописанию, отражавшему позицию тамошнего архиепископа Вассиана, а составитель митрополичьего свода Софийско-Львовской летописи возвеличивает Вассиана именно на основе ростовских сведений). Необходимо, впрочем, отметить одно обстоятельство, которое до сих пор не привлекало внимания исследователей: в Софийско-Львовской и Типографской летописи добавляется, что чудо произошло благодаря усердной молитве «всех» находившихся в Москве людей Христу и Богородице²³ (это, кстати, тоже говорит в пользу заимствования составителем митрополичьего свода данных ростовского летописания, представленного в Типографской летописи — М. Н.). Главным храмом в Москве был Успенский собор. А поскольку в старину покровителем города считался тот, кому посвящен кафедральный храм, то московскому князю, по представлению современников, чудо сотворила Богородица. В средневековом Смоленске, где главный храм тоже был посвящен Успению Богородицы, она также считалась заступницей города и его жителей²⁴. Важно иметь в виду и то обстоятельство, что, с точки зрения тогдашней церкви,

борьба великого князя с татарами была его великим христианским долгом. И отступление врагов, исходя из средневековых религиозных представлений, в этой связи должно было быть не иначе как связано с небесным чудом.

В отечественной историографии со времен Н.М. Карамзина²⁵ этому эпизоду нередко отводилась ключевая роль в истории всей кампании, и яркая картина синхронного отхода обеих ратей обрела хрестоматийный характер. Правда, по верному выражению А.Е. Преснякова, в научных трудах, начиная с XIX в., она носила уже не мистический, а «комический» смысл. Сам ученый считал это событие не столь важным для исхода кампании, как это показывали средневековые летописцы, а после — новые «*рассудочные книжники*» — историки²⁶.

Современный исследователь Ю.Г. Алексеев и вовсе назвал этот эпизод «*незначительным*»²⁷. Когда москвичи ушли от Угры к Кременцу, татары не решались наступать. А если и была паника (возможная, по мнению ученого, после длительного напряженного стояния больших армий друг против друга)²⁸, она отнюдь не сыграла ключевой роли в кампании, ибо Ахмат и без того не решался вступить в бой с москвичами, и ему оставалось лишь уходить самому. По мнению ученого, таким образом, подобный исход явился закономерным результатом неспособности ордынцев противостоять Руси в открытом побоище.

Однако в этих построениях исследователь упускает один важный момент (не учтенный в данном контексте и другими историками, хотя представляющий из себя общеизвестный факт) — москвичи и татары отступали от Угры не одновременно. Русские войска были отозваны в Кременец 26 октября, когда стал лед. Татары же отошли уже в первой половине ноября. Летописи датируют это 9, 10 и 11 числом²⁹. А согласно записям разрядных книг, отход татар начался 6 числа³⁰. Время возникновения первого особого военного ведомства на Руси — разрядного приказа, еще не установлено. Самые ранние известные нам разрядные книги составлялись уже в следующем, XVI в. Тем не менее, появление первых разрядных записей стоит отнести к 70-м гг. XV столетия. Известны летописные сообщения московского великокняжеского летописания конца XV в. о походах московских войск 1472 г. и, в особенности, 1477 г., удивительно напоминающие разрядные данные³¹. Едва ли случайно в этой связи то, что разрядные книги,

где имеются записи за конец XV в., тоже начинаются именно с 1470-х гг. Так что указанная разрядная запись представляет собой интересный источник. И на деле записанная в ней дата не сильно противоречит вышеназванным летописным датировкам. Ведь, анализируя расхождения в летописных датировках, тот же Ю. Г. Алексеев убедительно показал, что они не противоречат друг другу, ибо по летописным данным татары отходили медленно, «за *многи дни*» распуская полон³².

Трудно сказать, с какой целью это делалось, но стоит учесть, что потом они пограбят посады и округа 12-ти приграничных литовских городов, где снова наберут пленных, отомстив тем самым Казимиру IV за то, что он не явился на помощь, о чем подробнее будет рассказано ниже. Не исключено, что, отпуская старый полон, они освобождали силы для того, чтобы взять в Литве больше новых пленных или же чтобы налегке разом налететь на эти 12 литовских городов одновременно, разделившись на меньшие отряды. Роспуск полона, вероятно, и был причиной столь длительных сборов. Когда 1 августа 1472 г. ордынская рать отступала от Оки, она снялась с места за один день, побросав полон, перехваченный подоспевшими русскими войсками³³.

Думается, однако, что выражение «*многи дни*» подходит не только для двух суток с 9 по 11 число, но и для 5 дней с 6 по 11, поэтому данные разрядных книг представляются правдоподобными и по существу не противоречащими иным летописным датировкам. Кстати, по сведениям Вологодско-Пермской летописи, после отхода русских войск хан стоял на Угре еще 10 дней³⁴. Летопись относит уход татар к 9 ноября, но, следуя из того, что русские ушли во время ледостава 26 октября, и прибавляя 10 дней, выйдет примерно 6 ноября, указанное в разрядных книгах. Видимо, с этого дня татары стали понемногу уходить, распуская полон, затем какие-то их отряды отступали 9, какие-то 10, а последние — 11 ноября. Ордынское войско было неоднородным, к Ахмату пристало еще 6 татарских «царевичей» со своими отрядами. И, вероятно, каждый из них, распуская полон, отходил по отдельности. Но тогда татарское войско было очень неповоротливым. Оно могло смести узкую цепочку русских береговых войск при быстром переходе реки по льду, а в конном бою в полях под Боровском маневренная русская конница имела большой шанс на победу. По данным Владимирского летописца, в тот же день, когда татары отступали с Угры, русские

уже вышли из Кременца в сторону Боровска (летопись относит это к 10 ноября)³⁵. Едва ли это совпадение было случайным. В боровских полях (и, вероятно, у тамошних густых лесов, годных для того, чтобы укрыть за ними засаду — М. Н.) русские войска и собирались при случае столкнуться с ордынцами в решающем бою³⁶. Поначалу, отводя войска с Угры, Иван III ожидал, что враги могут прийти к Кременцу, и был готов защищаться там. Теперь, когда татары ушли с Угры в другом направлении, русские переместились к Боровску. Таким образом, не было синхронного панического отступления обеих армий от Угры. Ордынцы простояли на Угре еще десять дней кряду после отхода русских в Кременец. Следовательно, у них должен был быть иной повод, возникший, что весьма важно отметить, уже после того, как Ахмат со своим войском еще около 10 дней простоял на своем берегу. Остается выяснить, что произошло за это время. Как сказано выше, согласно летописям, хан испугался грозящего нападения русских. Но если это и было так, то почему он оставался на месте еще 10 дней? Значит, он получил новые сведения.

Казанский летописец приводит сведения о том, что Иван III тайно послал вооруженный отряд в поход на Большую Орду, что и послужило причиной отступления Ахмата с Угры, предполагается, что он выступил для защиты своих владений³⁷. Отметим, что в других источниках нет никаких данных о разграблении Большой Орды русскими войсками, равно как и крымскими татарами, которые могли быть в отряде одного из упомянутых Казанским летописцем воевод — перешедшего на русскую службу крымского царевича Нур-Давлета. М. М. Щербатов и Н. М. Карамзин поверили этому известию, затем в XX вв. к нему с доверием отнеслись К. В. Базилевич и Л. В. Черепнин³⁸. Однако еще С. М. Соловьев посчитал эти сведения ненадежными, указав на то, что сама летопись достаточно «мутная», а хан с Угры вовсе не спешил на юг спасать свои земли, а продолжал грабить соседние области³⁹. С последним следует согласиться. Отводя войска с Угры, хан не торопился назад и не посылал войска вперед себя. Сам он возвращался по Литовской земле через Серпейск и Мценск, грабя попутно литовские земли за «измену» короля Казимира, нарушившего уговор и не явившегося на помощь. Кроме того, известно, что в Литовской земле татары разорили посады и уезды 12 городков, в том числе Серпейка и Мценска,

не взяв, впрочем, их внутренних укреплений, но захватив немалый полон⁴⁰. Последнее следует связывать, очевидно, не со временем стояния на Угре, когда хан рассчитывал на литовскую помощь, а с тем, что он разочаровался в своем союзнике и мстил ему «за измену» разорением литовских земель. Он отправил отряд своего сына на заокские окрестности Алексина — Конин и Ньюхово, и татары ушли оттуда лишь тогда, когда узнали о приближении посланных против них отрядов братьев Ивана III⁴¹. А так бы они продолжали грабить русские волости и дальше. Значит, ни о какой беде у себя в Орде Ахмат и его окружение не знали и отступили от Угры по другой причине.

Не исключено, впрочем, что в основу летописного предания легли некоторые реальные события — вскоре после возвращения с Угры Ахмат был убит вторгшимися на территорию Большой Орды сибирскими и ногайскими отрядами сибирского хана Ибака. Того, вероятно, воодушевил неудачный исход ахматова похода на Русь, и он нашел, что может легко разделаться со своим соперником в борьбе за власть. Но мы не знаем, действовал ли он по указке Ивана III, или по уговору с ним, или исключительно по своему усмотрению. Архангелогородский летописец сохранил известие о том, что Ибак послал в то «лето» Ивану весть о том, что убил его врага Ахмата, а московский князь выразил радость и отправил ему «тешь»⁴². Есть основания полагать, что северорусский хронист пользовался надежными и достоверными сведениями. Вполне вероятно, что гибель Ахмата устроила московского князя, но это не значит, что он сыграл в ней роль и даже заранее знал о грядущем вторжении Ибака во владения своего недруга. Во всяком случае, в ноябре 1480 г. Ахмат, по-видимому, ничего не знал и, безусловно, не торопился возвращаться в Поволжье.

В этой связи вызывает сомнения версия Софийско-Львовской летописи о том, что татары к холодам обносились. По ее образному выражению, они были наги и босы и ободравшиеся, что и послужило поводом к отступлению⁴³. Некоторые историки даже сочли это единственной причиной ухода татар⁴⁴. Но татары уже после ледостава простояли на Угре целую декаду, и их отход отнюдь не напоминал возвращения французов зимой 1812 г. Изможденная от холода рать не стала бы захватывать большого полона и посадов многих городов в Литве и идти в принадлежавшие Московскому княжеству окрестности Алексина.

В ярлыке хана Ахмата, написанном в виде обращения к Ивану III, тоже есть упоминание о том, что татары отошли от «берега», поскольку «люди» были «без одеж», а кони — «без попон»⁴⁵. Некоторые исследователи уверенно относят это ко времени стояния на Угре⁴⁶. Впрочем, высказывались и иные точки зрения — о том, что сам документ был составлен еще в 1476 г.⁴⁷, после того, как Ахмат одержал важную победу в Крыму и чувствовал себя в силе диктовать соседям свои требования. Во всяком случае, ярлык представляет собой связную компиляцию известий о разных ордынских походах — на Русь и Крым, и в основном содержит реалии похода на Оку 1472 г. У нас нет оснований твердо относить интересующий нас сюжет к ноябрю 1480 г. (а не к лету 1472 г.). Нехватка одежды и конского снаряжения представляет для войска большую беду в любую погоду, тем более, если надо противостоять сильной служилой коннице Ивана III.

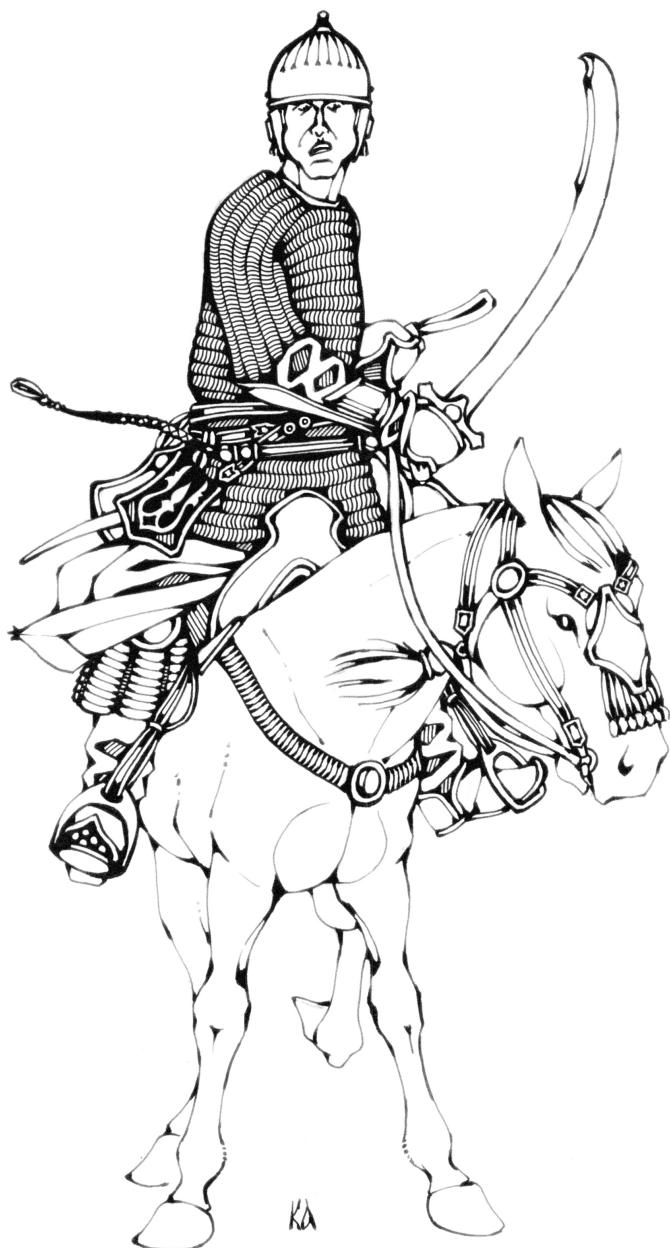
Польский хронист М. Стрыйковский приводит версию о подкупе ханского мурзы Темира, который за взятку смог убедить хана отступить от Угры, и о передаче хану особенно щедрых даров, «которые за несколько лет должна была уплатить Москва»⁴⁸. Однако сам А.И. Рогов обоснованно считал эту версию противоречащей данным русских летописей и реальному ходу событий⁴⁹. С этим следует согласиться. Во-первых, русские летописи, не скрывающие факта отступления русских войск к Кременцу и ругающие княжеских «злых советников», конечно, не стали бы замалчивать о таком обстоятельстве. Во-вторых, сам Иван III вел себя так, как будто точно не знал о перемещениях хана после отхода ордынцев с берега Угры и о его дальнейших намерениях. Едва ли князь разыгрывал это для отвода глаз, желая придать своей сделке с ханом сверхсекретный характер, прислав ему дары втайне от всех. В-третьих, Иван не мог тайно добыть такую крупную сумму. Дань Орде и так собирали по всей земле. Чтобы сразу погасить задолженность за восемь-девять лет, надо было организовать отряды по срочному сбору податей. К тому же, после стояния на Угре Русь больше не платила дань Орде. Если бы Иван III и отдал Ахмату все долги, ему пришлось бы и дальше платить дань его преемникам.

Однако, по нашему мнению, в основе этой легенды все же лежали и реальные события. Согласно Вологодско-Пермской летописи, еще в октябре, до ледостава, когда Иван III безуспешно пытался мириться

с ханом, его посланец Товарков действительно прибегал к посредничеству этого ханского приближенного и как русский посол передавал дары⁵⁰. Но это были разовые подарки, обычные при дипломатических переговорах с Ордой, а не компенсация неуплаченной за много лет дани. Тогда хан не принял ни даров, ни условий князя, и Темир вернулся *«тешь»*, указав, чтобы Иван почитал ордынские власти и был у его и ханского *«стремени»*. Польский хронист мог слышать об этом эпизоде, но он, вероятно, дошел до него в искаженном виде. Кроме того, Стрыйковский жил в конце XVI в., когда между Русью и Польшей были враждебные отношения, и он мог намеренно изобразить русских ничемными воинами, способными побеждать лишь при помощи взяток. Так что, видимо, следует искать другую причину отхода татар от Угры.

В этом плане интересны ранее не привлекавшиеся историками (всегда ориентировавшимися преимущественно на летописные данные), записи из разрядных книг. Их ценность в том, что велись они не далекими от военного дела монахами, а великокняжескими чиновниками, в чьи обязанности входило вести не эпическое повествование с ярко выраженной авторской оценкой событий, а краткие протокольные записи документального характера. Разрядные записи начали появляться именно в эпоху Ивана III.

Согласно разрядным книгам, *«...Лета 6989 году прииош царь к Угре октября в 2 день, и против ево стояли великого князя сын и братья великого князя князь Ондрей Меньшой, а воеводы с ними были по полком. И в то время братья смиришась с великим князем князь Андрей да князь Борис и приидоша к великому князю в Кременеск. И послышав царь Охмат и побежал от Угры в ночи нообря в 6 день»*⁵¹. Летописи также сообщают о том, что братья примирились с Иваном III и даже пришли к нему в Кременец на помощь с войсками⁵², запись же подтверждает следующее: хан знал об усобице князей, которая и послужила, по крайней мере, одним из поводов для войны — воспользовавшись ею, он двинул войска на Русь. Теперь же братья не только помирились, но и объединили силы для противостояния татарам. И известие о прибытии подкрепления к великокняжескому войску вполне могло стать для Ахмата весьма серьезным поводом для принятия решения об отходе. По оценкам псковского летописания, у братьев было в общей сложности 10 тысяч воинов⁵³. Эта цифра, вероятно, сильно

Русский воин XV в.
Рис. Красникова А. В., 2015 г.

завышена, но несколько тысяч служилых людей Углицкий и Волоцкий князья из своих уделов собрать могли. Те же псковичи рассчитывали на них как на серьезную подмогу в борьбе с Ливонскими рыцарями. Ордынцы же и так стали на Угре и не преследовали великокняжеские полки до Кременца, опасаясь вступать с ними в открытое столкновение, а теперь, по прибытии к ним нескольких тысяч новых воинов, биться с ними и вовсе не представлялось возможным.

Правда, из рассказа МЛС может сложиться ощущение, что братья прибыли на Кременец еще в начале октября⁵⁴, когда Иван III вернулся из Москвы. Но, как справедливо отметил Ю.Г. Алексеев, весть от великого князя они получили уже после конца сентября, когда он (по версии МЛС) твердо решил противостоять ордынцам и выехал из Москвы в сторону рубежей Руси. Соответственно, с учетом осенней распутицы братья должны были прибыть на соединение с Иваном к концу месяца⁵⁵. Ведь, по Софийско-Львовскому своду, они находились примерно за 500 км от места стояния на Угре, в Великих Луках⁵⁶. В МЛС прямо сказано, что Иван III послал за ними еще из Москвы, куда они сами первые прислали к нему послов с просьбой о мире. Тогда они, очевидно, уже разочаровались в военной помощи литовского короля Казимира IV, воевавшего с крымцами на Волыни. Иван III послал к ним в Великие Луки своего посла, с просьбой прибыть «вборзе», а также велел матери послать за ними еще одного посла от себя. Видимо, он считал, что мольбы их общей матери смогут примирить их. В Вологодско-Пермской, Типографской и Софийско-Львовской летописях рассказ о посольстве к братьям помещен уже после сообщения о прибытии князя на Угру, но при этом по смыслу он тоже, скорее всего, связан со временем его пребывания в Москве — ведь, по этим летописям, мириться с братьями его уговорили бывшие в столице архиереи и его мать⁵⁷.

Таким образом, по данным приведенных источников, инициатива посольства принадлежала церковным архиереям и постриженной в иночество княгине-матери, а по МЛС — самому великому князю. Но летописи сходятся на том, что послы были отправлены из Москвы в период пребывания там Ивана III (который, по МЛС, пришелся на 30 сентября — 3 октября 1480 г.). Как показал Ю.Г. Алексеев⁵⁸, эти сроки реальны и подтверждаются независимым свидетельством Владимирского летописца о том, что князь уже приехал к войскам

11 октября 1480 г., а по осенним раскисшим дорогам он как раз и должен был скакать около недели. Кроме того, еще до ледостава Иван III получил послание Вассиана, до которого (пребывавшего в эти дни в столице) успела дойти весть о переговорах князя с Ахматом после татарских атак 9–12 октября. На этом основании историк подверг сомнению популярную в историографии версию Софийско-Львовской летописи о двухнедельном пребывании князя в Москве. В самом деле, если бы князь выехал из Москвы 13 числа, он никак не прибыл бы к войскам 11 октября. А на Угре переговоры с ханом он смог бы вести не раньше 20-х чисел октября 1480 г. До 26 октября весть о контактах между великим князем и ханом могла дойти до Москвы, но Вассиан не успел бы написать к этому дню свое знаменитое пространное послание и передать его князю за полтораста верст.

Правда, вышеуказанное повествование Софийско-Львовской летописи, которое многие историки безоговорочно связывают именно с этой поездкой⁵⁹, на самом деле имеет довольно сложный характер. Дело в том, что летопись сообщает о двух поездках князя в Москву, и двухнедельное трусливое сидение в подмосковном селе Красном она связывает со второй из них, совершенной уже после получения послания Вассиана, полученном уже после отступления русских войск с Угры и похода к Боровску⁶⁰. Таким образом, послание пришло к адресату лишь около середины ноября, а в Москву он поехал позже. М. Н. Тихомиров⁶¹ и Л. В. Черенин⁶² на этом основании тоже писали о двух поездках в Москву, не пытаясь, правда, точно определиться с их датами. Однако, на наш взгляд, следует согласиться с К. В. Базилевичем, что здесь по ошибке повторяется рассказ о более ранней поездке князя, свершенной в конце сентября⁶³. Добавим, что со вторым приездом летопись связывает вещи, относящиеся именно к первой поездке в Москву — дачу наместничества в Москве князю И. Ю. Патрикеву, занявшему должность еще до отъезда князя из Москвы в начале октября.

Кроме того, по летописи, когда князь возвращался из Москвы к войскам, татары подходили к Угре, а русские вышли им навстречу и стали напротив. Таким образом, летопись говорит о двух стояниях на Угре, что неверно, ибо затем татары двинулись в Литву, послав один отряд на Оку в район Алексина. Здесь, как и в Вологодско-

Пермской летописи, по ошибке дважды говорится о сентябрьской поездке в Москву из Коломны, совершенной до стояния на Угре. В летописи оказались перепутаны местами разные события. А вопреки призывам послания Вассиана стоять до последнего, Иван III, очевидно, просто благоразумно стянул войска в Кременец во время ледостава. Другое дело, что, желая сделать архиепископа Вассиана истинным героем свержения ига, летописец чрезмерно принижает великого князя, изображая его безвольным «*бегуном*», который якобы целых две недели прятался в столице, и лишь Вассиан умолил его продолжить кампанию (на самом же деле князь, как было сказано выше, пробыл в столице лишь три дня и отбыл 3 октября). Но, если великий князь и его мать отправили послов к братьям до 3 октября, тем надо было ехать не менее недели, чтобы доскакать по осенней слякоти из Москвы около 450 км до Великих Лук, где находились Андрей Углицкий и Борис Волоцкий, а им, в свою очередь, — около 3-х недель, чтобы прибыть с войсками в Кременец. Следовательно, братья со своими полками могли соединиться с ратью великого князя не ранее самых последних чисел октября. Кстати, в Типографской летописи прямо сказано, что братья прибыли к Ивану III после ледостава, когда великий князь успел стянуть туда войска с берегов Угры⁶⁴. Так как река стала 26 числа, то и встреча братьев произошла не раньше этого дня.

Между прочим, в Устюжской летописи тоже сказано, что татары ушли с Угры, узнав о прибытии к Ивану III на подмогу двух его братьев. Устюжане не участвовали в Стоянии на Угре. Сведения о нем до них дошли достаточно смутные и отрывочные: летописец почему-то датировал отход татар 15-м сентября⁶⁵. При этом, в Архангелогородской летописи добавлено, что братья пришли к Ивану III 20 октября, т.е. за 5 дней до отхода татар⁶⁶. Это противоречит показаниям других источников. Но причину отступления ханских войск устюжский сводчик знал верно. В стоянии на Угре участвовал и Андрей Меньшой, удельный князь сравнительно недалеко от Устюга Вологды. Устюжане о событиях поздней осени 1480 г. что-то узнали от вологжан, а может быть и от вологодских московских наместников, прибывших в Вологду уже в следующем 1481 г., когда умирающий Андрей в завещании отписал Вологду старшему брату Ивана III.

Таким образом, по нашему мнению, поводом для нашествия татар на Русь послужила усобица между Иваном III и его братьями, Андреем Большим и Борисом Волоцким, а ее окончание и приезд братьев к нему на помощь в Кременец заставили хана отвести войска от Угры. Ордынцы и прежде не решались воевать с москвичами в открытом сражении. После отхода русских войск к Кременцу с наступлением ледостава, они не преследовали их, а стояли на своем берегу еще 10 дней кряду, по-видимому, ожидая, что литовский король Казимир IV закончит воевать в Подолии и придет на помощь Ахмату, как обещал. Но он так и не прибыл. Теперь, когда русские войска не были вытянуты тонкой цепочкой по берегу, а собрались воедино в Кременце, где их, вдобавок, защищали укрепления, татары уже не стремились снова, как до ледостава, попытаться напасть на них. А когда до них дошла весть о прибытии к Ивану III братьев, они и вовсе отступили, отчаявшись ждать помощи от Казимира IV.

Заметим, что это не противоречит вышеупомянутой версии, приведенной в великокняжеском МЛС (также практически дословно повторенной в Типографской и Софийско-Львовской летописях) о том, что, видя отступающих русских, хан испугался, что они могут вновь неожиданно возвратиться и напасть на него. Только страх на него, конечно, нагнало не чудо Богородицы, и случилось это не во время отхода русских войск к Кременцу, а спустя 10 дней. Узнав о прибытии к врагу подкрепления, Ахмат в самом деле мог опасаться, что русские могут вернуться из Кременца и вступить в бой с новыми силами.

Правда, уходя с Угры, хан послал своего сына грабить порубежные русские земли под Алексиным. Но едва ли он всерьез рассчитывал таким образом существенно изменить исход кампании и нанести московскому князю серьезный урон. Не желая вступать в столкновение с русскими силами, отряд ханского сына ретировался из русских пределов, когда Иван III послал туда войска из Боровска во главе со своими братьями.

Вероятно, если бы Казимир IV не воевал при этом в Подолии с крымцами и послал подмогу Ахмату и мятежным братьям Ивана III, исход стояния на Угре, а может быть, и судьба страны, сложились бы иначе. Но братья-князья помирились и в конце октября объединили

свои войска в Кременце. С такой дружной и возросшей силой хан уже не рискнул бороться и в начале ноября приказал отступить с Угры.

Многолетнее иго окончательно пало, и преемники Ахмата не требовали с Руси регулярной выплаты дани и не утверждали кандидатуры русских князей. 28 ноября 1480 г. Иван III вместе с войсками возвратился в Москву.

После этого вплоть до начала XVI в. ордынские власти больше не требовали от московского князя подчиняться себе или платить дань. А прибывавшие дважды в 1480–1490-х гг. к Ивану III ордынские посольства лишь старались склонить его к союзническим отношениям⁶⁷. В 1492 г. ордынцы совершили грабительский набег на окрестности приграничного русского города Алексина, но поспешили отступить при приближении русских войск.

Лишь однажды, в 1501/1502 г., Иван III выплатил хану Большой Орды Ших-Ахмету какую-то сумму денег, но это вовсе не носило характер возобновления ордынского ига⁶⁸ или прежних постоянных обязательств по регулярной уплате дани⁶⁹. Тем более, что Большая Орда в то время была на грани падения, и такой прагматичный политик, как Иван III, это, надо полагать, понимал. Это больше напоминало эпизодический откуп на время войны с Ливонским Орденом, в которую на стороне крестоносцев могли ввязаться и польско-литовские войска. К тому же, как показал А. А. Горский, Иван III одновременно вел ловкую дипломатическую игру. Отправив посла Заболоцкого в Крым к своему союзнику хану Менгли-Гирею, чтобы призвать того на помощь в том случае, если ордынцы двинут войска на Русь, он заодно повлиял на расторжение союза ордынского хана с королем польским и великим князем литовским Александром Казимировичем⁷⁰. Уже в 1502 г., после того, как ордынцы потерпели военное поражение от крымских татар, Большая Орда и вовсе прекратила существование в качестве отдельного государственного образования.

Ссылки

¹ Горский А. А. Москва и Орда. — М., 2003. — С. 154.

² Там же. — С. 159–162.

³ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). — М., 2000. — Т. 25. — С. 236.

⁴ ПСРЛ. — М., 2009. — Т. 30. — С. 137.

⁵ ПСРЛ. — Л., 1959. — Т. 26. — С. 264.

⁶ Назаров В. Д. Свержение ордынского ига на Руси. — М., 1983. — С. 52; Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. — Л., 1989. — С. 106–107; Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. — М., 2009. — С. 250–251.

⁷ ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т. 20. — С. 338–339.

⁸ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 265

⁹ ПСРЛ. — Т. 20. — С. 346.

¹⁰ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 265.

¹¹ Там же. — С. 266–270.

¹² ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 24. — С. 200.

¹³ Несин М. А. Сражение под Русой 3 февраля 1456 г.: место боя и тактика московских войск [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. V. — С. 101–103. <http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1> (18.06.2014)

¹⁴ ПСРЛ. — Т. 20. — С. 346; ПСРЛ. — Т. 24. — С. 200–201; ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 25. — С. 238.

¹⁵ ПСРЛ. — Т. 25 — С. 238.

¹⁶ ПСРЛ. — Т. 20. — С. 346.

¹⁷ ПСРЛ. — Т. 20. — С. 346; ПСРЛ. — Т. 24. — С. 200–201; ПСРЛ. — Т. 25. — С. 238.

¹⁸Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. — М., 1960. — С. 877–882.

¹⁹Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси... — С. 100–103; Алексеев Ю. Г. Походы русских войск... — С. 243–245.

²⁰Иван III на Угре. Сборник в честь С. Ф. Платонова. — СПб., 1911. — С. 285; Базилевич К. В. Внешняя политика Московского государства. Вторая половина XV века. — М., 1952. — С. 158; Каргалов В. В. Конец ордынского Ига. — М., 1980. — С. 127; Назаров В. Д. Свержение... — С. 44–55; Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси... — С. 112; Алексеев Ю. Г. Походы русских войск... — С. 256.

²¹ПСРА. — Т. 25. — С. 238.

²²ПСРА. — Т. 20. — С. 346; ПСРА. — Т. 24. — С. 200–201.

²³Там же.

²⁴Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. — СПб., 1841. — Т. 2. — № 267. — С. 319; Повесть о победах Московского государства. — Л., 1982. — С. 6. Выражаю благодарность Молочникову А. М. за указание на эти источники.

²⁵Карамзин Н. М. История государства Российского в 3-х книгах. — СПб., 2000. — Книга 2. — Т. VI. — Глава III. — С. 322–323.

²⁶Иван III на Угре... — С. 286.

²⁷Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси... — С. 194. Примеч. № 288; Алексеев Ю. Г. Походы русских войск... — С. 258. Примеч. № 141.

²⁸Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси... — С. 113; Алексеев Ю. Г. Походы русских войск... — С. 257.

²⁹ПСРА. — Т. 26. — С. 273; ПСРА. — Т. 20. — С. 346; ПСРА. — Т. 30 — С. 137; ПСРА. — Т. 24. — С. 201; ПСРА. — Т. 25. — С. 326.

³⁰Разрядная книга 1475–1605 гг. — М., 1977. — Т. 1. — Ч. 1. — С. 25.

³¹Базилевич К. В. Внешняя политика... — С. 100; Алексеев Ю. Г. Под знаменами Москвы. — М., 1992. — С. 69.

³²ПСРА. — Т. 26. — С. 273; Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси... — С. 113, 194. — Примеч. № 285; Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. — М., 2009. — С. 257.

³³Алексеев Ю. Г. Походы русских войск... — С. 163.

³⁴ПСРА. — Т. 26. — С. 273.

³⁵ПСРА. — Т. 30. — С. 137.

³⁶ПСРА. — Т. 26. — С. 273; ПСРА. — Т. 24. — С. 200.

³⁷ ПСРА. — СПб., 1902. — Т. 19. — С. 202–203.

³⁸ Щербатов М. М. История Российская. — СПб., 1783. — Т. 4. — Ч. 2. — С. 183; Базилевич К. В. Внешняя политика... — С. 159–160, 163; Черепнин Л. В. Образование... — С. 881; Карамзин Н. М. История... — Книга 2. — Т. VI. — Глава III. — С. 322–323.

³⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — М., 1960. — Книга 3. — С. 72.

⁴⁰ ПСРА. — Т. 26. — С. 273.

⁴¹ ПСРА. — Т. 20. — С. 346; ПСРА. — Т. 26. — С. 273

⁴² ПСРА. — Л., 1982. — Т. 37. — С. 95.

⁴³ ПСРА. — Т. 20. — С. 346.

⁴⁴ Горский А. А. Москва и Орда... — С. 156; Скрынников Р. Г. Иван III. — М., 2006. — С. 120.

⁴⁵ Цит. по: Горский А. А. Москва и Орда... — Приложение II. — С. 476.

⁴⁶ Базилевич К. В. Ярлык Ахмед-хана Ивану III // Вестник МГУ. — М., 1948. — Вып № 1. — С. 29–46; Горский А. А. Москва и Орда... — С. 156.

⁴⁷ Леонид, архимандрит. Два акта XV века с объяснительными к оным примечаниями // Известия Русского археологического общества. — СПб., 1884. — Т. 10. — Вып. 3–6. — Стб. 270.; Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. — Саранск, 1960. — С. 270–271; Григорьев А. П. Время написания «Ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. — Л., 1987. — Вып. 10. — С. 28–29.

⁴⁸ Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodska i wszystkiej Rusi. — Warszawa, 1846. — Vol. 2. — P. 284; Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. (Стрыйковский и его Хроника). — М., 1966. — С. 217.

⁴⁹ Рогов А. И. Русско-польские... — С. 217–218.

⁵⁰ ПСРА. — Т. 26. — С. 265.

⁵¹ Разрядная книга 1475–1605 гг. — Т. 1. — Ч. 1. — С. 25.

⁵² ПСРА. — Т. 20. — С. 346; ПСРА. — Т. 26. — С. 273; ПСРА. — Т. 24. — С. 200; ПСРА. — Т. 25. — С. 238.

⁵³ Псковские летописи. — М., 1955. — Вып. 2. — С. 61–62.

⁵⁴ ПСРА. — Т. 25. — С. 238.

⁵⁵ Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси... — С. 111; Алексеев Ю. Г. Походы русских войск... — М., 2009. — С. 245–246.

⁵⁶ ПСРА. — Т. 20. — С. 346.

⁵⁷ ПСРА. — Т. 20. — С. 340; ПСРА. — Т. 26. — С. 273.

⁵⁸ Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси... — С. 103–104; Алексеев Ю. Г. Походы русских войск... — С. 245–246.

⁵⁹ Назаров В. Д. Свержение ордынского ига на Руси. — М., 1983. — С. 118; Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси... — С. 103–104; Алексеев Ю. Г. Походы русских войск... — С. 245–246.

⁶⁰ ПСРА. — Т. 20. — С. 340, 346.

⁶¹ Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV–XV вв. — М., 1961. — С. 231–237.

⁶² Черепнин Л. В. Образование... — С. 878.

⁶³ Базилевич К. В. Внешняя политика... — С. 134–137.

⁶⁴ ПСРА. — Т. 24. — С. 200.

⁶⁵ ПСРА. — Т. 37. — С. 49, 95.

⁶⁶ Там же. — С. 95.

⁶⁷ Горский А. А. Москва и Орда... — С. 179–180.

⁶⁸ Ср.: Kuczyński S. Ziemie czernihowsko-siewirskie pod rządami Litwy. — Warszawa., 1936. — P. 329.

⁶⁹ Ср.: Koneczny F Sprawy z Mengh-Girejem // Ateneum Wilienskie. — Wilno, 1927. — Roczn. IV. — P. 320.

⁷⁰ Горский А. А. Москва и Орда... — С. 182–183.